
М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

ПЕТРАРКА О БЕДАХ СКИФИИ (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ) в 1360-х гг.

Истинное богатство Петрарки – память о красоте Лауры (сонет CCCL)¹. На склоне лет, работая над сборником «*Rerum senilium libre*», увенчанный лаврами Поэт, чье служенье во славу вечно юных Пиэрид пало до «средства украшения», ощутил «тайную сладость» ремесла историка (Петрарка 2002а: 677). Обаяние древности и искус узнавания породили новую манеру видеть. По признанию Петрарки, его собственное время оказалось столь не по сердцу, что разум потребовал «жить душою в иных веках». Каково же было бы изумление автора «Письма к потомкам», если бы он знал, что сочувственный взгляд *из нелюбимого времени* на беды Скифии приведет к рождению настоящей жемчужины – **историческому свидетельству о бедах Золотой Орды в 60-е гг. XIV в.** Красота первоисточника и здесь стала ровень с богатством Петрарковой души.

Предлагаемая статья содержит опыт комментария к нескольким строкам из письма 63-летнего Петрарки². Вот с чем обратился Франческо Петрарка в письме к своему давнему другу Гвидо Сетте, архиепископу Генуи (письмо написано в Венеции в 1367 г.) «...*nam Græciæ calamitas vetus est, sed Scytharum recens, ut unde nuper ingens annua vis frumenti, navibus in hanc urbem invehī solebat, idem nunc serius onustæ naves venient, quos urgentes misery vendicant parentes, iamque insolita, et inextimabilis turba seniorum,*

¹ «Богатство наше, хрупкое как сон, / Которое зовется красотой, / До наших дней с такою полнотою / Ни в ком не воплощалось, убежден» (пер. Е. Солоновича). Богатство как стяжательство было чуждо Петрарке. «Я всегда глубоко презирал богатство...», – признавался он в «Письме к потомкам» (Петрарка 2002б: 248, 676).

² В основу статьи положен сокращенный вариант очерка, вышедшего на английском языке (*The Golden Horde... 1993*).

utriusque sexus, hanc pulcherrimam urbem Scythicis vultibus, et informi colluvie, vel ut amnem nitidissimum, torrens turbidus, inficitque si siuis emptoribus non esset acceptior, quàm mihi, et non amplius illorum oculos delectaret, quam delectat meos, neque fœda hæpubes, hos angustos coarteret vicos, neque melioribus assuetos formis, inamœno advenas contristaret occursum, sed intra suam Scythiam, cum fame arida ac pallenti, lapidoso in agro ubi Naso illam statuit, raras herbas dentibus velleret, atque unguibus, et hæc quidem hactenus» (Petrarchæ 1554: 964).

На русский язык письмо переводилось дважды и оба раза не вполне точно (Петрарка 1980: 334; 1984); в буквальном переводе интересующие нас строки звучат так: «...ибо в Греции бедствие давнее, в Скифии же недавнее, так что оттуда, откуда прежде обычным делом было прибытие ежегодно в этот город (Венецию) на судах огромного урожая хлеба, теперь точно так же прибывают суда, отягченные грузом, который побуждаемые нуждой продают родственники. И вот уже непривычного вида и неисчислимое скопище немощных людей обоего пола этот прекрасный город скифским обличием и безобразным сбродом – как чистейший источник мутным потоком – поражает. И если бы этот запруживающий тесные улочки люд не был бы милее тем, кто их покупает, нежели мне, и не привлекал их взоры более, нежели привлекают мои, и не гадок, и не омрачал прохожих дурного вида скоплением, то во всей Скифии, вместе с изнурительным и бледным голодом в каменистом поле, куда поместил его Назон, редкую траву зубами и ногтями щипал бы и поныне»³.

За чеканными строками латинского текста стоит европейская зона степей Северного Причерноморья, составляющая часть евразийского степного пояса от гор Алтая до Крыма, Северного Кавказа и низовьев Дуная, где, вопреки мнению А. Я. Гуревича, никогда

³ Настоящий подстрочный перевод фрагмента письма по моей просьбе подготовлен сотрудником Института истории АН СССР (Ленинградское отделение) Н. Б. Срединской, которой приношу глубокую благодарность. Выражаю искреннюю признательность Л. Г. Климанову за щедрую помощь, оказанную в процессе подготовки статьи.

не было места «грязному народцу (sic!) рабов», превращенному зачем-то еще и в «рабов-христиан» (Гуревич 1990: 122)⁴. Постараемся показать отдельные грани этой реальности на доступном материале, но прежде одно предварительное замечание.

Вспомним, что закрепление монголов в европейской зоне степей и утверждение в 40-х гг. XIII в. «*Rex Mongolica*» создали предпосылки для новых возможностей в развитии связей Запада и Востока. Со второй половины XIII в. вплоть до первой трети XV в. ключевой оказалась северная ветвь трансконтинентального торгового пути, связавшая морские республики Италии через порты Черноморья и поволжские столицы с городскими центрами Азии и Китая. Первенство степного северного пути по отношению к горному южному – от Трапезунда через Понтийские горы к Тебризу – окончательно утвердилось после падения владений крестоносцев в Сирии (1291 г.) и со снятием папского запрета на торговлю с Египтом. Однако решающее значение имели открытие Палеологами черноморских проливов в 1261 г. и политическая интеграция северовосточной части понтийского побережья в состав Золотой Орды. Развитию маршрутов, приданию необходимой динамики междуна-

⁴ Автор следует известному предубеждению, сложившемуся в Европе еще в XV в., считать татар вне юрисдикции хана преимущественно рабами. Возможно, А. Я. Гуревич слишком доверился цитируемой им работе (см.: Kedag 1976: 127). Христианами многие из них становились в момент продажи, когда получали крестильное имя, вносимое в нотариальный акт (Verlinden 1973). Работоторговец при этом далеко не всегда был способен оценить этнические и соматические особенности «товара». Подлинные имена новообращенных нередко исчезали навсегда. Есть, правда, и исключения. Нотарий и священник Бенедетто Бьянко, канцелярий «*Curia Venetorum*» в Тане в 60-е гг. XIV в. (две серии его актов в Венеции датируются 1360 и 1364 гг.), отличался знанием этнической специфики населения региона и различал настоящие имена татар до их крещения от крестильных (см.: Verlinden 1973: 917). С. П. Карпов обратил внимание на методологические затруднения в выявлении «национального» происхождения раба при источниковедческом анализе документов. «В ряде случаев, – пишет он, – исключительно трудно без дополнительной информации о месте жительства, семейных связей и т. п. отождествить упомянутое (в документе. – М. К.) лицо и еще сложнее “реконструировать” подлинное имя армянина или мусульманина в переложении на латинском языке или венецианском диалекте. Но реальная ситуация была еще более путаной...» (Карпов 2000б: 186–187). Едва ли можно согласиться, что насильственно и весьма формально обращенных в латинство невольников можно всерьез отнести к людям христианского исповедания.

Географию Великой степи, принадлежавшей с середины XIII в. Золотой Орде (это название, пришедшее в историческую литературу из «Казанской истории» – XVI в., никогда не было самоназванием государства), выразительно очертил В. Набоков в комментариях к «Евгению Онегину».

родной торговле на степном участке пути способствовала система мер, принятых централизованным государством, каковым выступает Золотая Орда с момента своего создания. Среди важнейших из них:

1) организация ордыно-латинских буферных зон: крымской, под контролем Солхата, и приазовской, под контролем Азака-Таны (см. ниже);

2) умеренные и вполне благоприятные для торговли размеры таможенных сборов – до 3 % – на ввоз и вывоз европейских товаров;

3) очевидный протекционизм в отношении мамлюкских купцов, полностью освобожденных от какого бы то ни было налога;

4) курс на участие ханской ставки в финансовых операциях купцов-уртаков⁵, взятый Джучидами в первой половине XIV в.

Все это в конечном счете и привело к резкой активизации международной торговли на маршрутах степного пути. В свою очередь, это отразилось на размахе золотоордынского городского строительства. В 17 городах, преимущественно степных, стремительно выросших в центры провинций, активное перераспределение «излишков» вызвало необходимость в чеканке собственной монеты общегосударственного образца, достигшей в XIV в. берегов Орхона⁶. Неадекватная оценка последствий мировой торговли Золотой Орды для формирования ее городов и культуры привела к деформированному и в общем неприемлемому для наших дней образу «паразитического государства» (Федоров-Давыдов 1991: 81)⁷. Вернемся теперь к письму Петрарки.

⁵ По А. Ю. Якубовскому, *уртак* – «компаньон», купец, ведущий торговлю в компании с другими купцами, купец, ведущий торговлю хана в качестве его торгового агента, а часто и компаньона (см: Греков, Якубовский 1950: 473). О новых возможностях расширения крымской торговли в условиях *Rex Mongolica* см.: Хеллер 2002: 113–119.

⁶ Речь идет о редкой находке джучидских дирхемов в погребении могильника Мамуунтонгай на Орхоне (см.: Войтов 1990: 132).

⁷ В число городов, имевших право чеканки монеты, входили Сарай, Сарай ал-Джедид, Хорезм (Ургенч), Гюлистан, Булгар, Биляр, Азак, Крым (Солхат), Каффа, Хаджитархан, Орда-Базар, Бек-Базар, Укек, Сарайчик, Мохши, Шехр ал-Джедид, Маджар см.: Федоров-Давыдов 1960; 1963; 1965). Характеристику городской жизни см.: Fedorov-Davydov 1984a; 1984b.

«Общее число... населенных пунктов Золотой Орды, как основанных монголами, так и вновь восстановленных после разрушения, – пишет В. Л. Егоров, – составляет 110 объектов. При этом нужно учесть, что в это число вошли лишь те города, остатки которых зафиксированы археологически. Кроме того, существует около 30 городов, известных по средневеко-

1) «...nam Græciæ calamitas vatus est...» («...ибо в Греции бедствие давнее...»). Речь здесь идет, как мне думается, о Палеологовой Византии. Захват крестоносцами Константинополя в 1204 г. привел к распаду империи. «По взятии Константинополя латинянами, – отметил византийский писатель Никифор Григора, современник Петрарки, – римское государство, подобно большому кораблю, который не в состоянии бороться с порывами ветра и морскими волнами, распалось на множество обломков и частей» (Nisephorî Gregorae 1855: 1.2–1, 18.10–11). Восстановление империи началось после возвращения в 1261 г. Константинополя Михаилом Палеологом. Между этой датой и временем написания письма пролегло столетие, вместившее бунт вифинских акритов, конфликт Михаила VIII с Карлом Анжуйским, Лионскую унию 1274 г., трагедию поражения при Никомидии (1302 г.), «каталонскую кампанию», гражданскую войну 1341–1355 гг. и многое другое. Фразой «...nam Græciæ calamitas vatus est...» Петрарка как бы предвосхитил оценку современными историками поздней Византии как «начало конца»⁸. В контексте письма есть отчетливое ощущение, что «бедствия Греции» – это бедствие всего государства, а не цепь частных событий из жизни ромеев, отягощенной политическими неурядицами или природными катаклизмами.

2) «...sed Scytharum recens...» («...в Скифии же [бедствие] – недавнее...»); «...serius onustæ naves venient, quos ...vendicant parentes» («...прибывают суда, отягченные грузом, который... продают родственники...»); «...intra suam Scythiam, cum fame arida ac pallenti...» («...в своей Скифии, вместе с изнурительным и бледным голодом...»). «Скифы» здесь – тюркское население Причерноморья (шире – степные народы европейской части Золотой Орды). Григора возводит генеалогию скифов к галактофагам Гомера; к скифам он причисляет и наследников Чингисхана. В греческих источниках «скифами» именуется также готы, славяне, русские (Moravcsik 1958: 13)⁹.

вым картам, но не локализованных на местности из-за недостаточной археологической изученности» (см.: Егоров 1985: 139; 1997).

⁸ Последний период Византийской империи характеризуется специалистами как поздневизантийский феодализм: Горянов 1962; Удальцова 1988: 210–229.

⁹ «Хронография» «Продолжателя Феофана...» (ранняя рукопись датирована XI в.) сообщает о «скифах», обретших самостоятельность, которые обитают в «Паннонии, Далмации

Осведомленность Ф. Петрарки о недавних бедствиях «скифов» – свидетельство его внимания к народам, населявшим Северное Причерноморье. В этом нет ничего нарочитого. Судя по письмам, драматический конфликт войны 1350–1355 гг. между Венецией и Генуей за преобладание на Черном море оставил в его сознании неизгладимое впечатление (морское сражение под стенами Константинополя 13 февраля 1352 г. изображено только Петраркой) (Скржинская 1949: 245–266)¹⁰. Известно также, что за пять лет до анализируемого нами письма к Гвидо Сетте, в 1362 г., вместе с другими книгами, переданными Петраркой Венецианской республике, в библиотеку храма Сан Марко поступил небольшой рукописный кодекс, ныне называемый в научной литературе «Codex Cumanicus» или «Петрарковым кодексом» (последнее именование оспорено Д. Дьерффи [Györffy 1942])¹¹. А. Н. Кононов характеризует «Codex Cumanicus» как «старейший памятник крымско-татарского – степного, северного – языка» (Кононов 1982: 250)¹². Кодекс содержит латино-персидско-куманский словарь, составленный, как считают некоторые исследователи, в первой половине XIV в. в Солхате или Каффе¹³. Словарь предназначался латинским купцам и миссионерам. В 1330 г. он был переписан в католическом мона-

и лежащих за ними землях» – см.: Продолжатель... 1992: 122. «Скифы – общее для византийцев обозначение болгар, русских и других варварских народов» (Там же: 344).

¹⁰ Война 1350–1355 гг. (с битвами на Босфоре, при Альгеро и при Портолонго), по венецианскому историку XIV в. Марино Санудо Младшему, была третьей по счету: первая – в 1257–1273 гг. (из-за Акры); вторая – в 1294–1299 гг. (при Курцолле); четвертая, так называемая «Кюджская война» – в 1378–1381 гг. (Sanuto 1733: 621). См.: Скржинская 1949: 255.

¹¹ Название «Codex Cumanicus» ввел Г. Куун. Полное название кодекса – по одной из первых фраз – «In hoc libro co/n/i/ne/ntur P/e/rsicum et CoMa/n/icum p/er/ alfabetum» («Эта книга содержит персидский и команский языки по алфавиту») (Kuun 1936).

¹² Очевидно, по недоразумению автор повторяет старые датировки составления словаря и его переписки в Сарае.

¹³ В вопросе о месте написания «Codex Cumanicus» существуют самые различные предположения. В. Банга высказал мнение, что «итальянская» часть кодекса была составлена в монастыре св. Иоанна на Волге (Bang 1913: 244–245). Д. А. Расовский полагал местом создания «итальянской» части Солхат (Крым, современный Старый Крым) (Расовский 1929: 272–275); за Тану высказывался Э. Шюц (Schütz 1976: 202). Д. Дрюль предложила Каффу: (Drüll 1980: 34–39, 92, 136). По мнению Я. Р. Дашкевича, «немецкая» часть кодекса свидетельствует, что интересующий нас памятник создан в Крыму (Дашкевич 1985: 77). Согласно современным представлениям о датировке «Codex Cumanicus», «итальянская часть рукописи восходит к протографу 1324–1325 гг. Сжатое изложение датировки памятника см.: Дашкевич 1985: 74–75.

стыре Св. Иоанна в городе Сарае на Волге (предположительно, в Сарае Берке). Здесь, – подчеркивал А. Н. Кононов, – в 40-х гг. XIV в. к Словарю были добавлены немецкими францисканскими монахами-миссионерами переводы на куманский язык текстов Евангелия, кумано-немецкие и кумано-латинские вокабулы, католические гимны, загадки и заметки по грамматике куманского языка (Кононов 1982: 250). Рукопись из Сарая не могла попасть в библиотеку Петрарки в Авиньоне¹⁴, но уместно отметить, что папская резиденция в Авиньоне имела прямые связи с Сараем. Одно из ярких проявлений этих связей – золотоордынское посольство 1340 г. во главе с Петрано дель Орто, экс-консулом Каффы, в Авиньон и письма папы Бенедикта XII к хану Узбеку, его жене и наследнику престола Джанибеку (Записки... 1863: 1002–1006). Письма свидетельствуют о том, что в Авиньоне хорошо знали состояние дел в ханском дворце¹⁵. В этот период поэт жил в 15 милях от Авиньона (исследователи называют этот период жизни «первой остановкой в Воклюзе») (Wilkins 1963).

О каких же бедствиях говорит Петрарка? Частично на вопрос ответил сам автор – голод. Голод – причина продажи ордынцами детей в рабство¹⁶. Письмо Ф. Петрарки – редчайшее живое впечатление очевидца (пусть даже с берега Венецианской лагуны). Здесь слово автора приобретает силу свидетельства. Дело специалистов по истории Золотой Орды – разобраться в причинах бедствия. Обычно эти бедствия ищут и находят в политическом кризисе 60–70-х гг. XIV в. Кризис сопровождался расстройством торговли, городского хозяйства и производства. За время с 1360 по 1380 г. в Золотой Орде сменилось 25 соперничавших между собой ханов,

¹⁴ В конце 50-х гг. XIV в. рукопись принадлежала генуэзцу А. де Финале (имя указано на рукописи); эта дата приходится на «миланский период» биографии Ф. Петрарки (1353–1361).

¹⁵ Об этом свидетельствует осведомленность папы Бенедикта XII о поджоге ханского дворца и покушении на жизнь Узбека (см.: Записки... 1863: 1003).

¹⁶ О продаже людей сообщает ал-Омари: «Во время голода и засухи они (половцы, Дешт-и Кыпчак. – М. К.) продают своих сыновей. При избытке ж они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе, как в крайности» (см.: Тизенгаузен 1884: 219, 241); см. еще передачу ал-Омари рассказа о покупке детей купцом Шерифом Шемс-ад-дином Мухаммедом – Хусейни-ал Кербелай, побывавшем в Золотой Орде в 1338 г. (Тизенгаузен 1884: 213, 235).

каждый из которых становился марионеткой все сильного темника Мамай (Греков, Якубовский 1950: 241–243, 277–280, 282–287, 289–293 и др.; Spuler 1965: 112, 120–121, 126–128, 245, 270, 314 etc.)¹⁷. Учитывая скудость экономической информации, которую можно извлечь из письменных источников по истории Золотой Орды, любопытным показателем развития ситуации являются сведения, идущие из латинских колоний Причерноморья.

На начальной стадии кризиса венецианцам удалось возобновить свою колонию в Тане. Это произошло при Бардибеке (1357–1359) – последнем из ханов, обладавших реальной властью в государстве. Правда, торговые пошлины при этом выросли с 3 до 5 %¹⁸. Позиции венецианцев в Таврике постепенно ослабевают до 1374–1375 гг., то есть до захвата Мамаем власти в Крыму; генуэзцы же в 1365 г. беспрепятственно овладевают Судаком. В этом году на полуострове о голоде ничего не слышно. Люди озабочены военной угрозой, исходящей от набирающего силу темника: «... Написано это... в городе Каффе, в армянском (квартале) в 814 (1365) г., 23 августа, в обстановке всеобщей тревоги. Так, по всей стране, от Керчи до Сарукара (Херсонеса), собрались здесь люди, сила и скот, а Мамай уже в Крыму с несметным числом татар. Город трепещет от страха... Война принесла скорбь всему городу, так как власти, не сумев оказать сопротивление, изловчились и сбежали. И нагрянуло войско, забрало 2000 человек, их имущество и увезло в Сол (хат)» (Хечумян 1982: 142–143). После ограбления Каффы Мамай отобрал у генуэзцев 18 поселений на юго-восточном побережье полуострова (Бертъе-Делагард 1920: 22–23; Vasiliev 1936: 178).

Неблагоприятная политическая обстановка начала 60-х оказалась усугубленной неустойчивыми погодными условиями, вспыш-

¹⁷ О новом взгляде на роль климатических факторов в истории Золотой Орды сообщил в своем докладе на научном семинаре 1998 г. в Казани профессор Юлай Шамильоглу. Однако его работа, не вышедшая из печати ко времени проведения семинара (Schamiloglu, U. The Golden Horde: Economy, Society and Civilization in Western Eurasia, 13–14 Centuries. Meison: Turko-Tatar Press), осталась мне недоступна и пять лет спустя (см.: Шамильоглу 2002: 16–19).

¹⁸ Практика трехпроцентной тамги (тамога), по-видимому, считалась для XIV в. льготной (Diplomatarium... 1899; Скржинская 1971: 36). Примечательно требование венецианцев установить пошлины в 1,5 % на торговлю в Тане после ее разгрома Тимуром в 1395 г. (Скржинская 1971: 39).

ками эпизоотии и чумы. По данным русских летописей, засухи приходились на 1351, 1353, 1361, 1362, 1363, 1364, 1365, 1366, 1367, 1368, 1371 и другие годы (Борисенков, Пасецкий 1988). Эпидемии и эпизоотии отмечены для 1360, 1364, 1365, 1367 гг. (Бараш 1989: 113).

Грандиозная чума, свирепствовавшая на Ближнем Востоке около 15 лет и в 1347–1349 гг. достигшая Египта, пришла из Золотой Орды, где началась в 742 г. (1341–1342 гг.)¹⁹.

Эпидемии чумы в Западной Европе отмечены для 1348–1356, 1360, 1361 гг. В 1360 г. чума появилась в Германии; в середине 1361 г. – в Авиньоне; в 1361 г. чума свирепствовала в Италии – Ломбардии, Павии, Венеции, Падуе, Парме и других районах. Летом 1361 г. чума достигла апогея (Бараш 1989: 115–116). В этом же году, по данным В. Н. Татищева, в Золотой Орде от засухи погиб урожай: «...и бысть в татарах глад великий» (Там же: 114). Засушливое лето в Крыму отмечено и для 1366 г. (Там же: 117). При этом следует иметь в виду, что речь идет о голоде в кочевнической среде, где преобладает тип скотоводческого хозяйства. П. С. Паллас, наблюдавший в середине XVIII в. жизнь кочевых калмыков, подсчитал, что для прокормления семьи из пяти человек требуется 10 коров и 1 бык, 8 кобыл и 1 жеребец (Паллас 1776: 222)²⁰. По данным научного обследования бюджета семьи рядового кочевника из расчета семьи в пять душ, существование возможно при наличии 13 голов крупного рогатого скота, 90 овец, 3 верблюдов, 14

¹⁹ На Ближнем Востоке (в Египте) чума, «подобной которой в эпоху ислама не было», началась в конце сбора урожая осенью 748 г. х. (IX–XI 1347). «Чума усилилась в **ша'бана**, **рамадана** и **шавване** (XI–XII 1348 г. и I 1349) и своей кульминации достигла в середине **зулка'да** (IV. 1349)... Все началось в 745 г. х. (17.VI.1341–5.VI.1342). Об этом люди узнали из сообщения из страны золотоордынского хана Узбека» (см.: Стихийные... 1990: 108); по обоснованному мнению Ю. Шамильоглу, «черная» чума стала причиной внезапной депопуляции населения и полного коллапса власти в Золотой Орде. С чумой автор связывает упадок тюркской литературы и даже исчезновение волжско-булгарского языка (см.: Schamiloglu 1993). Между тем в литературе есть и «весьма экстравагантное» мнение (определение Л. Л. Полевого) о созидательной роли «великой» чумы для формирования городов Золотой Орды в Поднепровье (см.: Руссев 1999). Идея Н. Руссева мне представляется ошибочной.

²⁰ Трудно удержаться от напоминания о редкой по пронительности характеристике способа наблюдений и внутренней красоты личности Палласа, принадлежащей О. Э. Мандельштаму: «... Палласу введомо и симпатично только *близь*. От близи к близи он вяжет вязь. Крючками и петельками надстраивает свой горизонт. Незаметно и плавно в карете, запряженной муравьями, переселяется из округа в округу. ...Паллас насвистывает из Моцарта. Мурлычет из Глюка. Кто не любит Генделя, Глюка и Моцарта, тот ни черта не поймет в Палласе» (Мандельштам 1990: 363).

лошадей (Майский 1959: 140–141; см. также: Златкин 1982: 255–268. Смотрите также интересную, имеющую методологическое значение статью Б. Ф. Железчикова о связи хозяйственной деятельности с экологией на примере ранних кочевников: Железчиков 1983). Летние бескормицы скота – *джуты* – и стали подлинной причиной бедствия, отмеченного Петраркой: на выгоревших землях вначале начинает голодать скот – еще до выпадения снега, а потом и люди.

Таким образом, учитывая специфику скотоводческого хозяйства (Крадин 1990), среди голодных 60-х выделяются два – 1362 и 1367 гг.

3) «...unde nuper ingens annua vis frumenti, navibus in hanc urbem invehi solebat...» («...откуда прежде обычным делом было прибытие ежегодно в этот город [Венецию] на судах огромного урожая хлеба...»).

В этой фразе нам уже в третий раз встречается слово «судно». Из Ярлыка 1333 г., выданного ханом Узбеком через Андреа Дзено венецианским купцам Таны (золотоордынский Азак), известно, что в ордынский порт приходят два типа венецианских кораблей «navi de duabus cabijs, et de navi de una cabia...» – двухмачтовые и одно-мачтовые (Григорьев, А. П., Григорьев, В. П. 1990: 96–97)²¹. Следовательно, речь идет о галерах (галеях) и нефях (навах). Первые отличались быстроходностью и малой грузоподъемностью, были оснащены одной мачтой с треугольным «латинским» парусом; вторые – повышенной вместимостью трюмов и малой скоростью (Григорьев, А. П., Григорьев, В. П. 1990: 97; Фрейденберг 1973: 95–

²¹ Дорога морем от Генуи или Венеции к Черноморскому побережью занимала около трех месяцев. И те, и другие для ежегодной навигации прибегали к практике объединения торговых галей в конвой. Но генуэзские конвои по преимуществу принадлежали не государству, как венецианские, а ассоциациям частных собственников-патронов. Навигационные маршруты носили, как правило, устойчивый характер. Корабли из Венеции в Константинополь следовали до базы патрульных галер в Истрии (Пола) и далее через порты Модона и Корона на Пелопоннесе до Негропонта на Эвбее и Константинополя. Для венецианцев промежуточными портами были Рагуза (Дубровник), Зара (Задар), Кларенца, Монемвасия, Салоники, порты Крита (см.: Карпов 1991б; 2000: 102–104). В черноморских портах золотоордынского направления для венецианцев главную роль играла Тана, для генуэзцев – Каффа.

96)²². Нефы и коки отличались округлостью форм и вместе с галерами и всепогодными таридами предназначались для плавания по всему Средиземноморью. Суда подобного типа, по классификации И. Тадича, в начале XV в. делились на три группы по тоннажу и вмещали от 10 до 32 т груза (Фрейденберг 1973: 101–102).

О разнообразии судов в гавани генуэзской Каффы 734 г. х. (1332–1333) говорит и Ибн Баттута, насчитывавший здесь «до 200 судов военных и грузовых, больших и малых» (цит. по: Тизенгаузен 1884: 280). Можно представить себе размеры перевозок на грузовых судах, если учесть, что на каждый кубический метр полезного объема трюма приходится до 790 кг зерна (Фрейденберг 1973: 103)²³.

Северное Причерноморье – традиционный источник экспортного зерна в Византию, а после 1204 г. и в Италию. «Общепризнано, – отмечает М. Нистазопуло Пеликидис, – что византийские императоры держали закрытым Черное море для западной торговли для того, чтобы сохранить за собой монополию на торговлю на Понте, основанную главным образом на торговле зерновыми» (Nystazopoulou Pélékidis 1973: 542–543). Венецианец Иосафат Барбаро, проживший в Тане с 1436 по 1452 г., сообщает о прекрасных урожаях в землях приазовских татар: «Земли там плодородны и приносят урожай пшеницы сам-пятьдесят – причем она высотой равна падуанской пшенице, – а урожай проса – сам-сто. Иногда получают урожай настолько обильный, что оставляют его в степи» (Барбаро 1971: 125, 150). Среди зерновых Крыма главное место принадлежало пшенице, которая по своим качествам превосходила пшеницу из других мест Черноморья. Кроме пшеницы из Крыма вывозился ячмень (Вольский 1854: 41)²⁴. Зерновые Таврики поступали и к южному берегу Черноморья; ими снабжался Синоп. К концу XIV в. в хлебной торговле Черноморья доминируют генуэзцы. Успехи этой торговли были подготовлены особыми хлебны-

²² Изображение одномачтового корабля с «латинским» парусом можно видеть на поливной чаше XIII–XIV вв. в собрании Херсонесского музея-заповедника (фонды); см. также: Villain-Gandossi 1990.

²³ По данным Ф. Лейна, в Венеции в 1268 г. существовали галеры грузоподъемностью до 190 т (Lane 1934: 9).

²⁴ По Пеголотти, пшеница из Каффы относилась к лучшим сортам (Pegolotti 1936: 42).

ми законами 1390 и 1434 гг. (Вольский 1854: 41). Справедливости ради, следует отметить, что «хлебная линия» из Татарики была открыта венецианцами; хроника М. Канале содержит дату «первого известного нам свидетельства привоза хлеба из Таврии» – 1268 г. (Canale 1972: 324).

Начиная с XIII в. цены на хлеб неуклонно растут, и к концу XIV в. они более чем вдвое превышают начальные: в 1290 г. мина зерна стоила в Генуе около 16 сольди, в 1357 г. – 40 сольди, а в 90-х гг. XIV в. – от 38 до 55 сольди; к середине XV в. они уже в 3,5 раза выше цен XIII в. (Origone 1988: 398; см. также: Карпов 1989).

4) «...nunc serius onustæ naves venient, quos urgentes misery vendicant parentes...» («...прибывают суда, отягченные грузом, который побуждаемые нуждой продают родственники...»).

Как мы видим, в тексте Петрарки нет слова «рабы». Тем не менее речь идет о продаже людей. И не только детей, как можно было бы понять из контекста письма, но и пленных, в том числе и женщин, как это следует из многих документов, и в частности из венецианской купчей 1385 г. из архива ЛОИИ в Ленинграде²⁵.

Работоторговля в Причерноморье – род предпринимательской деятельности итальянского купечества. Лидерами здесь со второй половины XIII в. до середины XV в. выступают венецианская Тана и генуэзская Каффа (с конца XIII в.). Основные потребители – мамлюкский Египет и рынки Запада, где одно из ведущих мест принадлежит Венеции. До XV в. рабы из Северного Причерноморья на Запад доставлялись через Константинополь (Перу); в XV в.,

²⁵ Архив ЛОИИ АН СССР, Западноевропейская секция, кол. 6, карт. 191, ед. 18. Купчая датирована 14 марта 1385 г. Место продажи – Венеция, Риальто. Продавец – Стефано ди Моите из прихода св. Юлиана; покупатель – Доменико, сын Джованни Бартеле из прихода св. Льва; рабыня татарского происхождения, 24 года, крестильное имя Ульяна. Продана за 45 золотых дукатов. Купчая составлена венецианским нотариусом Пьетро Санто. Документ приобретен Н. П. Лихачевым в 1901 г. Издание и комментарий см.: Карпов 1991а: 193, 200–201.

По наблюдению Ш. Верлиндена, большинство татарских рабов, проданных в Венецию из районов Крыма и Кавказа, составляли женщины. В XV в. только 28,5 % актов о продаже касалось мужчин. Средний возраст женщин составил 25 лет; средняя цена – 44 дуката. Наиболее многочисленной группой рабынь в XIV–XV вв. являлись черкешенки (средний возраст 20 лет; средняя цена около 56 дукатов). Средний возраст рабынь-абхазок – 23 года; средняя цена – 55 дукатов. Русских рабынь в Венеции в XIV в. почти не было. В метрополию они начали поступать уже в XV в. из Кандии. Возраст рабынь – от 12 лет и старше; цена – до 26 дукатов (см.: Verlinden 1973: 911–929).

как удалось установить С. П. Карпову при анализе каффинских массарий, основной поток рабов из Каффы и Северного Причерноморья в Каир шел уже минуя Перу через Кастамонский эмират, Брусу и Самос (Карпов 1990: 167). Интенсивность черноморского потока «живого товара» оказалась так велика, что венецианское правительство запретило судовладельцам перевозить из Таны в Венецию или любое другое место более трех рабов на одного члена экипажа. Этот запрет, как и вообще всякий запрет, нарушался: известен случай, когда одно судно оказалось загружено 200 рабами. По наблюдению Ш. Верлиндена, большинство из актов Таны касаются рабов татарского происхождения. Так, только один работороговец Доменикос из Флоренции в 1360 г. продал в Тане 30 рабов-татар (27 женщин и 3 мальчиков) на общую сумму 20 000 аспров. Стоимость рабынь – от 600 до 700 аспров (наибольшим спросом пользовались девушки 14–16 лет); стоимость мальчиков – от 4,5 до 5,5 соммо (Verlinden 1950: 10–12).

По данным массариев Каффы, обычно количество вывезенных рабов – 47–67 человек в месяц (Карпов 1986: 141). Уровень цен колебался в зависимости от этнической принадлежности и индивидуальных качеств раба, конъюнктуры рынка (после разгрома Таны в 1395 г. Тимуром цены резко выросли из-за уменьшения количества татарских рабов) (Карпов 1990: 167).

В структуре северочерноморской работоторговли первые места принадлежали тюркам (обычно их называют татаро-монголами); за ними шли выходцы из Предкавказья и Кавказа – черкесы, лезгины, абхазы и др.; на третьем – греки и славяне.

5) «...iamque insolita... turba seniorum... hanc pulcherrimam urbem Scythicis vultibus... inficitque...» («...И вот уже непривычного вида... скопище немощных людей... прекраснейший город скифским обличем... поражает»).

Неприятие Петраркой «мутного потока» вчерашних обитателей степей едва ли покажется странным, если обратиться к воинской песне калмыков, вошедших в Париж в 1814 г. в составе русского кавалерийского корпуса генерала Платова. В ней пелось о длинноносых французах (другое определение «куцо-черных»). *Куцо*, по видимому, от неумения держаться в седле по-калмыцки (Эрдниев

1970: 242). Реакция на экзотическую внешность измотанных трехмесячным плаванием степняков у автора, казалось бы, должна уже была быть подготовлена женскими типами Джотто (наособенно узкий разрез глаз становится модным с середины XIII в., но уже неприемлем для Боттичелли). Чуждый ксенофобии живой интерес к «степной этнографии» нашел выход в творчестве Амброджио Лоренцетти и Антонио Пизанелло. Речь идет об образе «монгола» на фреске «Св. Георгий и принцесса» в фамильной капелле семьи Пеллегрини в веронской церкви Санта Анастасия (1433–38 гг.)²⁶. Документы о продаже рабов содержат слабый след различия «татар» (подозреваю, что под этим этнонимом проходили европеоиды-кипчаки) и «монголов» (выделение монголоидных черт?), которых в реальной жизни Золотой Орды было настолько мало, тем более в XIV–XV вв., что археологически они почти не фиксируются (Федоров-Давыдов 1966: 11–163, 204–212, 247). Оба этнонима составители актов использовали синонимически (Verlinden 1968: 95–105).

Несколько слов о костюме золотоордынцев, основу которого составлял халат с характерным запахом, а также специфические головные уборы у мужчин и женщин²⁷. В той или иной мере все мужское население Золотой Орды усвоило монгольский костюм – черта, унаследованная от имперского периода Великого монгольского государства (1211–1260). Это в какой-то степени коснулось и мужского костюма народов стран, связанных с монголами, от Балкан (ср. костюм деспота Оливера на фреске в Лесново 1347–1348 гг.) (Бурић 1975: 140, № 62) до долины Нила. В Каире, например, со времени появления мамлюков «стали носить татарский

²⁶ Изображению «монгола» на фреске предшествовал рисунок на пергаменте (Лувр, 2325) – см.: Fossi Todorow 1966: 24, p. 15, tav. XVI). Существует предположение, что зарисовка сделана с натуры, увиденной в свите Иоанна VIII Палеолога (в искусствоведческой литературе персонаж определяется как «калмык», забывая, что во времена Тогон-тайши [1418–1440] речь могла идти в лучшем случае об ойрате; см.: Майская 1981: 103–104).

²⁷ Единственный сохранившийся кафтан XIV в. – в собрании Эрмитажа: Греков, Якубовский 1950: рис. 18). О халате с косым запахом см.: Горелик 1979: 58, рис. 5.1–10. Об отличии монгольского костюма от среднеазиатского во времена Бабура (XVI в.) см.: Мукминова 1979: 73; Мэн-да бей-лу 1975: 181. Изображения мужского и женского костюмов, включая головные уборы, можно видеть на миниатюрах XIV в. к «Истории» Рашид-ад-дина, например в собрании Музея Топкапу в Стамбуле (1330 г.) – см.: The Topkapı... 1986: pl. 43, 44. О монгольских поясах и шапках-орбелге см.: Крамаровский 2001: 30–71.

кафтан и черкесскую тюбетейку, которую носят без чалмы» (Амин аль-Холи 1962: 23). С этого времени в Египте возникла мода на шелковые атласные ткани определенной расцветки («Щеки Ибн Тиналя», якобы по имени монгольского юноши, обладавшего красивым румянцем); распространившаяся в среде женатых мужчин любовь к мальчикам заставляла жен носить черкесские шапочки, чтобы склонить к себе сердца собственных мужей (Мец 1966: 278–298). В русской живописи XV–XVI вв. монгольский наплечник *алам* (см. в каталоге: Timur... 1989: 216, 217, 352–353) можно видеть на широком круге персонажей – от пророков до архангелов (Антонова, Мнева 1963: № 64, 71, 79, 80, 223 и др.). Татарская золотая шапка, принадлежавшая старшему современнику Петрарки – московскому князю Ивану Калите (?–1340), в качестве царской регалии служила русскому двору более трехсот лет (Piltz 1977: 114–116). Отголосок дальневосточной моды в XV в. зафиксирован при дворе Лузиньянов на Кипре (Braudel 1949: 123)²⁸.

6) «...intra suam Scythiam, cum fame arida ac pallenti...» («...в своей Скифии, вместе с изнурительным и бледным голодом...»).

Петрарке не случайно при упоминании Скифии вспомнились строки из восьмой книги «Метаморфоз» Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.), в основу одного из сюжетов которой по-

²⁸ Д. Э. Харитонович в примечании к статье Л. Февра о книге Броделя пишет: «Китайские же моды, по мнению Ф. Броделя, привезли на Кипр каталанские купцы, заимствовав их в Волжской Булгарии, куда те были занесены из танского Китая через посредство кочевников» (см.: Февр 1991: 568).

Едва ли можно согласиться, что Волжская Булгария может иметь отношение к передаче на Кипр XV в. (для Волжской Булгарии это уже – с 1438 г. – период Казанского ханства) китайской прически VII–X вв. (речь идет о «высокой женской прическе с рогами»). Роговидные детали китайской прически, как она зафиксирована в настенной живописи X–XII вв., образованы за счет специальных заколок (см.: Singer 1975: 63, № 88 a – d.).

Заколки, найденные в провинции Хунань, датируются концом эпохи Тан – началом эпохи Сун, то есть X в.; изображение причесок см.: Чжоу Сюнь, Гао Чуньмин 1988: № 173 (Дуньхуан, пещера 61 – изображение женщин-донаторов, период пяти династий), № 193 (императрица династии Мин).

Вместе с тем роговидные детали женской прически встречаются и в кочевнической среде Центральной Азии, например, в традиционном головном уборе халхасской женщины; см.: Цултем 1987: № 84 (здесь же и изображения женских сапожек гутулы с загнутыми носками – № 81, 83). Более детально халхасский головной убор см.: Heissig, Müller 1989: 68–71.

ложен миф об осквернении заповедной рощи Цецеры (VIII, 740–780) (Овидий 1977: 214–215).

Гибель священного дуба не может быть прощена, и фессалиец Эрисихитон осужден на томление голодом. Адрес Голода – «...окраина Скифии льдистой, Край безотрадный, земля, где нет ни плодов, ни деревьев; Холод коснеющий там обитает и Немочь и Ужас. Тощий там Голод живет...» (XV, 788–791). В 797 стихе поэт уточняет место действия – это Кавказ. Образ Скифии у Ф. Петрарки восходит непосредственно к 797–808 стихам: «...На покрытом камнями поле, Ногтем и зубом трудясь, рвала она скудные травы» (Подосинов 1985: 101–102).

Кавказская Скифия и впрямь лишена черноземов крымской. Но если образ назоновской степи сжат до каменистого поля Кавказа, то Скифия Петрарки, сохраняя акценты Овидия, пространственно раздвинута до просторов Северного Причерноморья. Стоит уточнить, что автор «Метаморфоз» закончил поэму до ссылки во фракийский город Томы близ устья Дуная и, следовательно, до 9 г. н. э., когда западная окраина степного пояса Евразии стала для него грустной реальностью последнего прибежища (Подосинов 1985: 117–136, 204 и сл.).

Спустя тысячелетие со стороны степи Северное Причерноморье захлестнули монголы Джучи, старшего сына Чингисхана (оба умерли в 1227 г.). Встречная волна – латинская – притекла менее заметно со стороны Проливов. В XII в. на ее невысоком гребне несколько раз замечены венецианские корабли. Существует точка зрения, согласно которой венецианцы как будто свободно пользовались акваторией Понта до IX крестового похода, хотя византийские и латинские источники об этом умалчивают. Доказывая эту мысль, М. Мартин приводит данные «Слова о полку Игореве» о венецианцах в Киеве в 1185 г. (вслед за Г. В. Вернадским и М. Н. Тихомировым он с доверием отнесся к этому свидетельству) (Martin 1979: 111). Уже к концу 60-х – началу 70-х гг. XII в. появляются первые признаки соперничества между венецианцами и генуэзцами за преобладание в Черноморье (Martin 1979: 115–116). После 1204 г. и по мере усиления венецианских позиций в Константинополе Балдуина, не вызвавшего, однако, особой деловой

активности на северном берегу, становится очевидным, что до прихода монголов политически раздробленная половецкая степь не была готова к систематическим торговым сношениям с латинским миром. Ситуация резко изменилась после 1261 г. Но тон уже задавали новые партнеры – Золотая Орда (тюркское самоназвание государства «Улуг Улус» – «Великое государство») и Республика Св. Георгия.

Мы невольно перешагнули черту, за которой осталось частное письмо из Венеции в Геную, в котором память и опыт одной жизни слиты с историей едва ли не всей Италии. Но, как заметил Франсуа Артог, память и история не всегда синонимы... История же свидетельствует и о встречном потоке мигрантов – латинском. Эта линия представляет значительный интерес прежде всего тем, что позволяет на оригинальном материале проследить взаимодействие культур латинской диаспоры и тюркского Причерноморья. Существенно, что это взаимодействие складывалось на почве быстро растущих городов Черноморского побережья.

Литература

- Амин аль-Холи.** 1962. *Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв.* М.
- Антонова, В. И., Мнева, Н. Е.** 1963. *Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации.* Т. I. XI – начало XIV вв. М.
- Бараш, С. И.** 1989. *История неурожая и погоды в Европе.* Л.
- Барбаро** и Кантари о России. К истории итало-русских связей в XVI в. Л., 1971.
- Бертъе-Делагард, А. Л.** 1920. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. *Известия Таврической ученой архивной комиссии.* Вып. 57.
- Борисенков, Е. П., Пасецкий, В. М.** 1988. *Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы.* М.
- Войтов, В. Е.** 1990. Могильники Каракорума (по материалам работ 1976–1981 гг.). *Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии.* Новосибирск.

Вольский, М. 1854. *Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 года.* Одесса.

Горелик, М. В. 1979. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. *Костюм народов Средней Азии.* М.

Горянов, Б. Т. 1962. *Поздневизантийский феодализм.* М.

Греков, В. Д., Якубовский, А. Ю. 1950. *Золотая Орда и ее падение.* М. – Л.

Григорьев, А. П., Григорьев, В. П. 1990. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: реконструкция содержания. *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки.* Вып. XIII. Л.

Гуревич, А. Я. 1990. Средневековый купец. *Одиссей: Человек в истории. Личность и общество.* М.

Дашкевич, Я. Р. 1985. Codex Cumanicus – вопросы возникновения. *Вопросы языкознания* 4.

Егоров, В. Л.

1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.* М.

1997. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай... *Родина* 3–4: 72–76.

Железчиков, Б. Ф. 1983. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Урала и Заволжья в VI в. до н. э. – I в. н. э. *История и культура сарматов* (с. 48–60). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.

Златкин, И. Я. 1982. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века.* М.

Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863.

Карпов, С. П.

1986. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. *Византийский временник.* Т. 46.

1989. Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. *Византийский временник.* Т. 50: 26–35.

1990. *Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли.* М.: Изд-во Моск. ун-та.

1991a. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. *Причерноморье в средние века.* М.: Изд-во Моск. ун-та.

1991б. Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. *Византия. Средиземноморье. Славянский мир* (с. 82–97). М.

2000а. Дороги Латинской Романии. В: Карпов 2000б.

2000б. *Латинская Романия*. СПб.

Кононов, А. Н. 1982. *История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период*. 2-е изд. Л.

Крадин, Н. Н. 1990. *Социально-экономические отношения у кочевников (современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока)*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.

Крамаровский, М. Г. 2001. *Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды*. СПб.

Майская, М. И. 1981. *Лизанелло*. М.

Майский, И. М. 1959. *Монголия накануне революции*. М.

Мандельштам, О. 1990. *Читая Палласа*. М.

Мец, А. 1966. *Мусульманский Ренессанс*. М.

Мукминова, Р. Г. 1979. Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в. *Костюм народов Средней Азии*. М.

Мэн-да бей-лу (Полное описание монголо-татар). Факсимиле ксилографа / пер. с кит. Н. Ц. Мункуева. М., 1975.

Овидий. 1977. *Метаморфозы* / пер. с лат. С. Шервинского. М.

Паллас, П. С. 1776. *Собрание исторических известий о монгольских народах*. СПб.

Петрарка, Ф.

1980. *Лирика* / пер. с ит. и лат. Н. И. Томашевского. М.

1984. Письмо к Гвидо Сетте, архиепископу Генуи, об изменении времени / пер. Л. М. Лукьяновой. В: Стам, С. М. (ред.), *Итальянский гуманизм эпохи Возрождения* (с. 82–92). Ч. I. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та.

2002а. *Канцоньере. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру. Книга писем о делах повседневных. Старческие письма* (с. 248, 676). М.

2002б. Письмо к потомкам. В: Петрарка 2002а: 677.

Подосинов, А. В. 1985. *Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья*. М.

Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / пер. Я. Н. Любарского. СПб., 1992.

Расовский, Д. А. 1929. *К вопросу о происхождении Codex Cutaicus*. Т. III. Прага.

Ревякина, Н. В., Девятайкина, Н. И., Лукьянова, Л. М. 1984. Комментарий. В: Стам, С. М. (ред.), *Итальянский гуманизм эпохи Возрождения* (с. 209–213). Ч. I. Изд-во Саратов. ун-та.

Руссев, Н. Д. 1999. *На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв.* Кишинев.

Скржинская, Е. Ч.

1949. Петрарка о генуэзцах на Леванте. *Византийский временник* (с. 245–266). Т. II (XXVII). М. – Л.

1971. История Таны (XIV–XV вв.). В: Барбаро... 1971. Л.

Стихийные бедствия и экстренные явления на Ближнем Востоке (VII–XVII вв.) / сост. З. М. Бунятов. Баку, 1990.

Тизенгаузен, В. Г. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.

Удальцова, З. В. 1988. *Византийская культура*. М.

Февр, Л. 1991. *Бои за историю*. М.

Федоров-Давыдов, Г. А.

1960. Клады джучидских монет. *Нумизматика и эпиграфика*. Т. 1. М.

1963. Находки джучидских монет. *Нумизматика и эпиграфика*. Т. 4. М.

1965. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода. *Нумизматика и эпиграфика*. Т. 5. М.

1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники*. Изд-во Моск. ун-та.

1991. Некоторые проблемы археологии Поволжья железного века. *Материалы конференции «Археология и социальный прогресс»*. Вып. 2. М.

Фрейденберг, М. М. 1973. На каких кораблях плавали далматинцы? (К истории средневекового судоходства у южных славян). *Страны Средиземноморья в эпоху феодализма*. Вып. I. Горький.

Хеллер, К. 2002. Золотая Орда и торговля с Западом. *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды)*. Казань.

Хечумян, В. 1982. *Книга книг*. М.

Цултем, Н. 1987. *Декоративно-прикладное искусство Монголии*. Улан-Батор.

Чжоу Сюнь, Гао Чуньмин. 1988. Чунго лидай лунной чжуанши. *Женские украшения в Китае по историческим эпохам*. Шанхай.

Шамильоглу, Ю. 2002. Направления в исследовании Золотой Орды. *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды)*. Казань.

Эрднеев, Ч. Э. 1970. *Калмыки (конец XIX – начало XX вв.). Историко-этнографические очерки*. Элиста.

Bang, W. Über die Herkunft des Codex Cumanicus. *Sitzungsberichte der Preussisdæen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. 1913. Bd. 9.

Braudel, F. 1949. La Méditerranée et la monde méditerranéenne à l'époque de Philippe II. Paris.

Canale, M. da. 1972. *Les estoires de Venise*. Firenze.

Diplomatarium Veneto-Levantinum. Venezia, 1899. Pars II, doc. 14, 15, 1356; doc. 24, 24 IX 1358. P. 47–51.

Drüll, D. 1980. *Der Codex Cumanicus. Entstehung und Bedeutung*. Stuttgart.

Györffy, G. 1942. Autor du Codex Cumanicus. *Analecta orientalia mem. A. Csoma de Körös dicata*. Bibl. Or. Hung. V: 110–137. Budapest.

Fedorov-Davydov, G. A.

1984a. *Städte der Goldenen Horde an der unteren Volga*. München.

1984b. The Culture of the Golden Horde cities. *BAR International Series* 198.

Fossi Todorow, M. 1966. *I disegni del Pisanello e della sua cerchia*. Firenze.

Heissig, W., Müller, C. 1989. *Die Mongolen*. Frankfurt-am-Main.

Kedar, B. Z. 1976. *Merchants in crisis: Geniese and Venetian Men of Affairs and the Fourteenth-Century Depression*. New Haven – London.

Kuun, G. 1936. *Codex Cumanicus*. Kopenhagen.

Lane, F. C. *Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance*. Baltimore, 1934.

Martin, M. E. 1979. The First Venetians in the Black Sea. *Ποντο-Αθηνον*.

Moravcsik, G. 1958. *Byzantinoturcica*. Bd. 2. Berlin.

Nicephori Gregorae. *Byzantina historia*. Vol. I–II / ed. L. Schopen. Bonnae. 1829–1855; Vol. III. 1.2–1, 18.10–11 / ed. J. Becker. Bonnae, 1855.

Nystazopoulou Pélékidis, M. 1973. Venise et la mer Noire du XI-e au XV-e siècle. *Venezia e il Levante fino al secolo XV*. Vol. I. Firenze.

Origone, S. 1988. L'Officium victualium a Caffa nella prima metà del secolo XV. *Bulgaria Pontica Mediaevi II*. Sofia.

Pegolotti, F. B. 1936. *La pratica della mercatura*. Cambridge (Mass.).

Petrarchae, F. 1554. *Opera quae extant omnia* (p. 964). Basileæ: excudebat Hericus Petri.

Piltz, E. 1977. *Kamelaukion et mitra. Insignes byzantins impériaux et ecclésiastiques*. Stockholm.

Sanuto, M. 1733. Vitae Ducum Venetorum. *Rerum Italicarum Scriptores*. T. XXII.

Schütz, E. 1976. Armeno-Kiptschakish und der Krim. *Hungaro-Turcica. Studies in honour of J. Németh*. Budapest.

Singer, P. 1975. *Early Chinese Gold and Silver*. New York.

Spuler, B. 1965. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502*. Wiesbaden.

Timur and the Princely Vision. Persian Art and culture in the Fifteenth Century. Washington, 1989.

The Golden Horde and Levant in Epoch of Fr. Petrarca: Trade, Culture, Handicrafts. *Rivista di Bizantinistica (Rivista di Studi Bizantini e Slavi IX)*. 1993, № 3 (2): 249–280.

The Topkapi Saray Museum. The Albums and Illustrated Manuscripts / transl., exp. and ed. by J. M. Rogers, from the original Turkish by F. Çagman and Z. Tanindi. Boston, 1986.

Schamiloglu, U. 1993. Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey* 12 (4): 447–457.

Vasiliev, A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, 1936.

Verlinden, Ch.

1950. La colonie vénétienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au début du XVe siècle. *Studi in onore di Gino Luzzato*. Vol. 2. Milano.

1968. Le recrutement des esclaves à Venise aux XIV et XV siècle. *Bulletin de l'Institut historique belge de Rome* 34: 95–105. Bruxelles – Rome.

1973. Venezia e il commercio degli schiavi provenienti dalle coste orientali del Mediterraneo. *Venezia e il Levante fino al secolo XV*. Vol. 1. Firenze.

Villain-Gandossi, C. 1990. Iconographie et datations du navire medieval. *Iconographie médiévale. Image, texte, contexte* (pp. 49–73). Paris.

Wilkins, E. H. 1963. *Life of Petrarch*. Chicago; London.

Бурин, В. Ј. 1975. *Византичке фреске у Угославији*. Београд. № 62.